

Предисловие куратора

Михаил Талалай

Институт всеобщей истории Российской Академии наук

Abstract

Представляем вводную статью составителя и научного редактора раздела

Parole chiave

Преодоление, Самиздат, Советский фонд культуры

Contatti

talalaym@mail.ru

Две из четырех присланных в редакцию статей-свидетельств начинались со слова *«преодоление»*: «Преодоление страха» и «Преодоление немочь».¹ Ключевое слово к истории русского² Самиздата уже стояло в заголовках. В самом деле, авторы Самиздата и его читатели *преодолевали* страх, немочу и многое другое – цензуру, отсутствие важных западных текстов, невозможность типографской печати и проч.

Но тогда они не отдавали себе в этом отчет. Они жили нормальной интеллектуальной жизнью, правда, в ненормальных условиях. Условия – советская система – казались им вечными, вечным казался Самиздат. В начале 80-х годов система даже решила покончить с противостоянием и приручить Самиздат (его литературную ветвь), создав в Ленинграде «Клуб-81». Его членам, «неофициальным» писателям, дозволили встречаться вместе, устраивать чтения и конференции с перспективой типографских публикаций. От них попросили две вещи – не передавать тексты на Запад и не писать антисоветчину.

Приручение «второй» культуры было тщательно продумано: разделив ее на три сектора – литература, музыка, изобразительное искусство, были созданы соответствующие ниши, уже упомянутый «Клуб-81», Рок-клуб и Товарищество экспериментального изобразительного искусства.

Сожитие инакомыслия и советской системы не всегда шло гладко – тексты все-таки утекали на Запад (авторы оправдывались, что они утекали сами собою),

¹ Авторам статьи «Преодоление немочь» В. Долинину и Д. Северюхину пришлось даже посоветовать изменить название.

² Хотя в литературоведении принят термин «советский Самиздат», предпочитаем определение «русский», в том числе и оттого, что по стилю, духу и проч. эта литература была совсем нессоветской.

«антисоветскую деятельность» писатель и член «Клуба-81» Вячеслав Долинин (один из авторов нашего номера). По отработанной схеме от его коллег потребовали осуждения «преступника» – но здесь это не сработало.

Работа «второй» культуры однако продолжалась. Продолжались заседания «Клуба», выпуски журналов, чтения стихов и прозы.

В деятельности «Клуба» и ленинградских самиздатчиков довелось участвовать и автору этих строк. Из журналов ближе всех по направлению мне был «Обводный канал», который стал регулярно печатать мои статьи и переводы. «Обводный канал» собирали два редактора – Сергей Стратановский, также один из авторов нашего номера, и Кирилл Бутырин, к сожалению, не смогший принять в нем участие, но оказавший ряд советов и приславший из своего архива



неизданные фотографии.

Кирилл Бутырин (стоит справа) на прощальном вечере с высылаемой из СССР Татьяной Горичевой. 1980 г.

Сам Бутырин, напомиавший философа Владимира Соловьева, и его дом, заваленный книгами и рукописями, представлялись старо-петербургскими, «дореволюционными» явлениями.

Журнал, как и другие, выходил тиражом в несколько десятков экземпляров, но Кирилл показывал пример самоотверженной редактуры, тщательно выверяя сведения и корректируя формулировки: так он снижал запальчивость ряда моих высказываний по поводу утрат городского наследия, повторяя «Вы как будто кого-то хотите обидеть...». Работник Библиотеки Академии Наук, он был пунктуален, сдержан, по-петербургски вежлив и слегка холоден.

На противоположном полюсе самиздатских деятелей находились молодые писатели Елена Зелинская, Юрий Галецкий (наст. фамилия Ушаков) и Дмитрий

разными: Галецкий создал у себя настоящую башню из слоновой кости, допуская в нее только близких ему по духу людей и тексты – в ней не дозволялось ничего



постороннего.



Юрий Галецкий, начало 80-х гг., редкий цветной снимок И. Костылева, публикуется впервые.

Просторный и светлый Митин дом был переполнен эклектичной и экстравагантной публикой. Оба они, а также Зелинская – то вместе, то порознь – беспрестанно затевали разные самиздатовские проекты, один из которых,



«Митин журнал», жив и поныне.

Тимур Кабиров читает свои стихи на квартире у Д. Волчека, 1985. Фото М. Талалай, публикуется впервые.

Казалось, что так будет всегда. Но тридцать лет тому назад система стала оседать, продавленная своим собственным грузом.

Наступил новый этап *преодоления* – не внутреннего, а внешнего. Поэты, которые читали стихи друг другу, стали выступать на городских площадях; музыканты, игравшие на квартирах, теперь выступали на стадионах; альтернативные художники вышли из подвалов и заняли огромный дом (на Пушкинской ул.).



Виктор Кривулин, Владимир Уфлянд и Михаил Талалай во время «Дня горожанина» на Владимирской площади, 1987. Публикуется впервые.

Не последнюю роль в этом новом этапе преодоления сыграл Советский фонд культуры. Собственно, он был официальным образом призван преодолеть косность и консерватизм официальных, государственных органов культуры. Не обошел он своей опекой и Самиздат. Под эгидой Фонда культуры, и даже внутри его стен возникла первая в Ленинграде официальная библиотека Самиздата. С осени 1987 г. каждую среду в офисе Фонда культуры на Невском проспекте собирались десятки людей, читавшие «Часы», «37», «Обводный канал», «Митин журнал» и прочую труднодоступную периодику. Какие-то шероховатости еще не изгладились: однажды руководитель Фонда (Р.С. Милонов) начал свой рабочий день – по чьему-то указанию – с очень строгого просмотра библиотеки Самиздата, навсегда изъяв из нее целый ряд рукописей.³

³ В начале 90-х гг. Фонд культуры передал свою Библиотеку Самиздата в отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Все поступившие издания поставлены на учет и доступны. Часть их учтена в каталоге «Без цензуры: периодика "самиздата" до и после распада СССР в фондах РНБ. Каталог» (СПб.: издание РНБ, 1999).



Первое публичное выступление вернувшейся из ссылки Татьяны Горичевой. Представляют М. Талалай и В. Кривулин. Фонд культуры, 1987.

Продолжала действовать и цензура – на Садовой улице существовало суровое помещение Комитета по печати, куда полагалось относить все намечавшиеся для типографии тексты, даже самые невинные – афиши концертов, разных вечеров и мероприятий. Тексты принимались только от официальных организаций. На них ставился штампик и подпись цензора, после чего можно нести листки дальше – в типографию.

Эта процедура, а следовательно и сама цензура, была отменена в 1990-м году, четверть века тому назад, с изданием закона «О средствах массовой информации».

Самиздат в его классической форме перестал существовать, а его авторы и его читатели стали предметом исследований.

Для нашего сборника мы привлекли как деятелей литературного Самиздата, так и его современных исследователей. Как обычно случается, круг участников изначально был шире, но по разным причинам он сузился.

Появившиеся в итоге 12 текстов мы посчитали уместным разделить на два раздела, куда вошли собственно исследования и свидетельства. Две статьи-свидетельства – А. Урусова и В. Долинина-Д. Северюхина написаны и с аналитическим подходом, однако активное участие их авторов в Самиздате придало им явственно персональное звучание. Текст Урусова важен тем, что посвящен одному из самых первых этапов становления русского Самиздата, полувековой давности, а также тем, что описывает московскую среду, в то время

поздно пишущие люди как-то пристраивались). Текст Ю. Мальцева, автора известной монографии «Русская вольная литература», появился около десяти лет тому назад, но только сейчас нашел своего читателя. Итальянский подзаголовок его книги – «*La letteratura del samizdat da Pasternak a Solzhenitsyn*» (Casa di Matriona, 1976) – заставляет задуматься о типологии Самиздата, который логично делить на Самиздат органический, нацеленный на публику «второй культуры», и Самиздат поневоле, когда в машинописях начинали циркулировать тексты, предназначенные для официальной советской прессы, но ею отвергнутые (это и есть случай Пастернака и Солженицына).

Что касается исследователей, то собранные нами исследовательские статьи показывают, что несмотря на давние занятия филологов, в том числе итальянских,⁴ темой Самиздата, она еще предоставляет много материала для нового анализа и размышления. Рассмотрены религиозные аспекты Самиздата (Ж. фон Зитцевитц), протосамиздат сталинской эпохи (М. Маурицио), перипетии Самиздата 70-х гг. (М. Саббатини), его взаимоотношения с читающей аудиторией (А. Комароми), удельный вес его литературной составляющей в общем потоке (Д. Зубарев – Г. Кузовкин). Очевиден также и интерес к отдельным представителям «второй» культуры, таким как Соснора (Н. Албанезе), Губин (М. Карамити), Кондратов (Ф. Иокка) – еще малоизвестным на Западе: им посвящены отдельные очерки.

⁴ Упомянем здесь оставшегося, к сожалению, «вне» нашего номера, эксперта по Самиздату Симоне Гуаньелли и эксперта по советскому инакомыслию Марко Клементи.